

Михаил Александрович Энгельгардт

Николай Коперник. Его жизнь и научная деятельность

Жизнь замечательных людей

Михаил Энгельгардт

**Николай Коперник. Его жизнь
и научная деятельность**

«Public Domain»

Энгельгардт М. А.

Николай Коперник. Его жизнь и научная деятельность /
М. А. Энгельгардт — «Public Domain», — (Жизнь замечательных
людей)

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад отдельной книгой в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют по сей день информационную и энергетико-психологическую ценность. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Глава I. Детство и молодость Коперника (1473—1497)	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Михаил Александрович Энгельгардт Николай Коперник. Его жизнь и научная деятельность

Биографический очерк М. А. Энгельгардта

С портретом Коперника, гравированным в Лейпциге Геданом

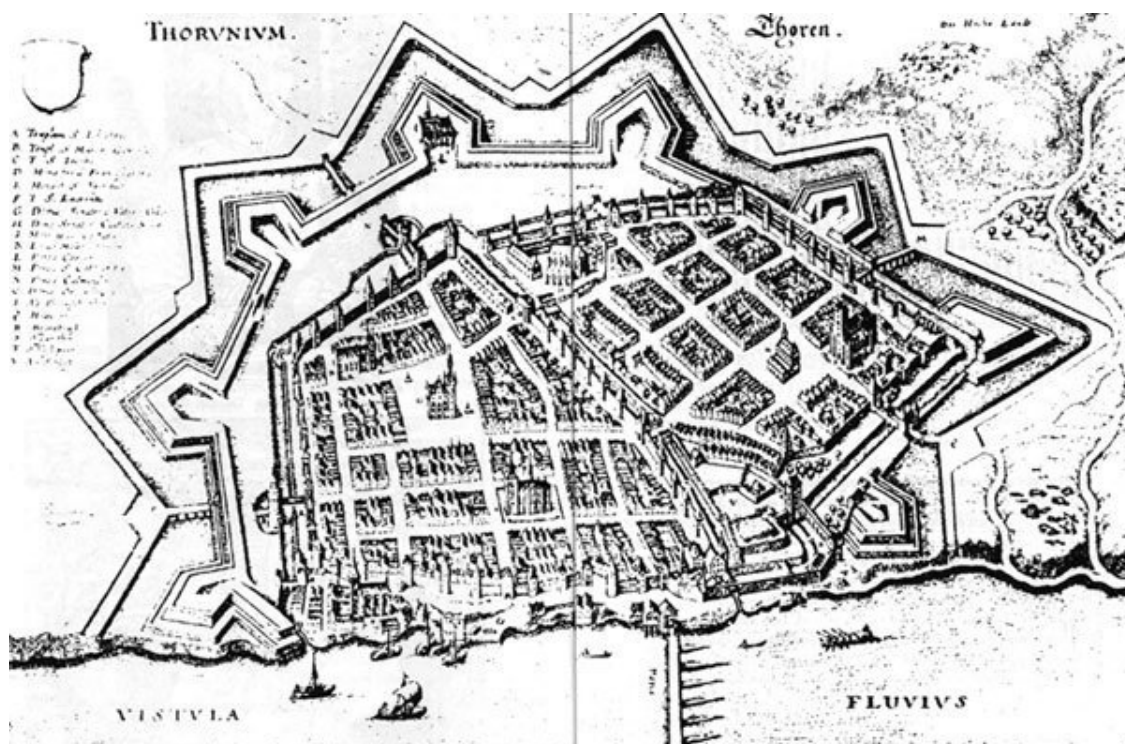

Глава I. Детство и молодость Коперника (1473—1497)

Родина Коперника. – Его происхождение. – Его отец. – Семейство Коперника. – Ватцельроде. – Окружающая среда. – Коперник в Краковском университете. – Гуманисты и схоластики. – Брудзевский. – Возвращение в Торн. – Неудачная попытка получить духовное звание. – Отъезд в Италию.

Николай Коперник, основатель современной астрономии, родился в городе Торн (теперь Торунь), в «земле Холмской», составлявшей часть Пруссии или «Боруссии», издавна населенной славянским племенем пруссов. Долгое время пруссы пользовались независимостью и дружили со своими соседями и родичами поляками; но с распространением в Польше христианства начались нелады: язычники-пруссы стали обижать христиан-поляков. Дошло до того, что в XIII столетии один из польских князей, Конрад Мазовецкий, не зная, как отделаться от беспокойных соседей, подарил принадлежавшую им Холмскую землю гроссмейстеру тевтонского ордена, Герману Зальце. Гроссмейстер принял подарок с благодарностью, заодно уж выпросил у германского императора остальную Пруссию (она вовсе не принадлежала императору, и потому он охотно согласился на просьбу гроссмейстера) и, явившись в Холмскую землю со своими рыцарями, принялся насаждать христианство среди славян по наиболее употребительному в то время способу: огнем и мечом. С помощью этих аргументов орден мало-помалу обратил язычников и вступил во владение «подарком»: к середине XIV столетия побережье Немцкого и Балтийского морей, от Вислы до Немана, находилось под властью рыцарей и пользовалось благодатью христианской веры.

В завоеванной земле рыцари построили много городов, в том числе и Торн. Основанный в 1232 году, он заселился выходцами из нижнегерманских областей и вскоре сделался важным торговым пунктом, одним из выдающихся членов знаменитой Ганзы.

Общий вид Торуня – гравюра Меридана, середина XVII в.

Достигнув вершины своего могущества, орден начал ослабевать, а его соседка Польша, объединившись под властью хитроумных Ягеллонов, превратилась в могущественное государство и принялась пощипывать владения рыцарей. Ганзейские города, недовольные управлением ордена, его поборами и властолюбием, держали сторону польских королей, и вся эта история кончилась тем, что в середине XV столетия значительная часть Пруссии, в том числе и город Торн, присоединилась к Польше.

Таким образом, в эпоху рождения Коперника Торн является *польским* городом со смешанным населением: низшие классы – славяне, буржуазия, к которой принадлежал и Коперник, – большей частью немцы, управлявшиеся немецким (Магдебургским) правом и сохранившие, по крайней мере в официальных бумагах и актах, *немецкий язык*. Такова родина Коперника.

Но он не был исконным жителем Торна. Отец его переселился в Пруссию из Кракова, тогдашней польской столицы, представлявшей по составу населения тот же характер, что и Торн.

Между этими городами существовали оживленные сношения; в обоих мы встречаем фамилию Коперник с середины XIV века. Впервые она является в Кракове в 1367 году, более чем за сто лет до рождения астронома. Затем, под разными годами, упоминаются в торуньских и краковских городских книгах сторож, медник, банщик, каменотес, оружейник, носившие эту фамилию.

Находились ли все эти лица в родстве между собою – трудно сказать, потому что фамилия *Коперник* есть, собственно, название местности. Под этим именем известны были два-три местечка в Силезии, славившиеся медными рудниками (Kopper – Kupfer, медь). В XIV и XV веках многие из уроженцев Силезии переселялись в Польшу; среди них были выходцы из означенных местечек, сохранявшие обыкновенно название родной деревни в виде фамилии. Есть указание, благодаря которому мы можем точнее определить родину торнских Коперников, если только все они происходили из одной местности: под 1422 г. упоминается в торуньской городской книге Петр Коперник из Франкенштейна (город в Силезии).

Во всяком случае, с полной достоверностью можно резюмировать все вышесказанное в следующем заключении: Николай Коперник, реформатор астрономии, происходил из немецкой земли, но его отец – а может быть, также и дед – и он сам жили в Польше и назывались поляками, хотя сословие, к которому они принадлежали, состояло главным образом из немцев, сохранивших родной язык.

Словом, открытие Коперника является на рубеже старой и новой Европы, его родина – на границе двух племен, славянского и германского, и сам он не то поляк, не то немец. Тут по крайней мере есть известная гармония.

Из предков великого астронома мы знаем только его отца, о котором прежние биографы пустили в оборот множество небылиц. По одним сведениям, он был земледelec, «хлоп»; по другим – чуть ли не княжеского происхождения; ему же приписывалось звание хирурга, булочника, пивовара, каменщика. На самом деле он был купец, богатый и влиятельный; жил в Кракове; ездил в прусские города по торговым делам, а около 1458 года переселился в Торн на постоянное жительство. Тут он получил важную должность в городском суде, был назначен «братом терциарием» доминиканского ордена (почетное звание, дававшееся светским лицам), – вообще, играл видную роль среди местного гражданства.

В 1464 году он женился на Варваре Ватцельроде, дочери богатого торнского патриция. От этого брака родилось четверо детей: Андрей, Николай, Варвара и Катерина. Николай, младший из всех четырех, увидел свет 2 февраля 1473 года.

До сих пор сохранился дом, где родился реформатор астрономии. Правда, он перестроен, но стены остались те же. Когда после раздела Польши в конце прошлого столетия патристическое чувство нации, не находя утешения в настоящем, обратилось к прошлому, и националь-

ные святыни всякого рода обрели в глазах поляков особенное значение, началось усиленное паломничество на родину Коперника. Ездили, смотрели, брали на память кирпичи и штукатурку дома Коперника; в 1810 году один такой кирпич был вынут генералом Войжинским в присутствии магистрата и за его удостоверение отправлен в Польшу, в музей Чарторыйских.

Коперник воспитывался дома, под присмотром отца и матери. Отец, впрочем, умер, когда мальчику не исполнилось еще 10 лет. Место его занял дядя, брат матери, Лука Ватцельроде, впоследствии епископ Эрмеландский, – человек сурового нрава, но умный, дельный и образованный: магистр Краковского и доктор канонического права Болонского университета. Избрав карьеру духовного, он должен был дать обет безбрачия, что, впрочем, не помешало ему иметь детей. Человек богатый, принадлежавший к одной из знатнейших прусских фамилий, энергичный и деятельный, он играл важную роль в политической жизни страны. Вольные ганзейские города – Данциг, Эльблонг, Торн, – гордые своим богатством и значением, присоединившись к Польше, отнюдь не желали расстаться со своими привилегиями и ревниво защищали их от покушений со стороны короля. В этой борьбе Ватцельроде принимал деятельное участие, ратовал за городские вольности и так досаждал королю Казимиру IV, что тот называл его «чертом» и всеми силами противодействовал избранию Ватцельроде в епископы.

Влияние такого человека – умного, образованного и, как видно, не отличавшегося пуританской узостью взглядов, – без сомнения, было полезно для ребенка, тем более, что попадало на благодарную почву.

Да и в других отношениях среда, в которой развивался Коперник, могла назваться благоприятной. Он принадлежал к наиболее образованному, энергичному, трудолюбивому сословию того времени – городской буржуазии. Семья его обладала материальным достатком и большими связями в различных слоях общества; отец вел обширную торговлю с Данцигом, Краковом и другими городами; дядья – Лука Ватцельроде и Тильман фон Аллен – были видные политические деятели; мальчику приходилось сталкиваться с самыми разнообразными людьми, много видеть, много слышать. В отношении культуры Торн занимал не последнее место среди прусских городов: школа св. Яна, в которой учился Коперник, привлекала учеников с разных концов Пруссии и Польши. Привыкнув к политической независимости, буржуазия переносила дух вольности и в другие сферы, о чем свидетельствует быстрое распространение протестантизма в ганзейских городах в начале XVI века. Этот «вольный дух», склонность к критике и скептицизму представляли хорошую атмосферу для развития будущего разрушителя древних доктрин.

Окончив курс в школе св. Яна, Коперник отправился вместе с братом Андреем в Краков для поступления в тамошний университет.

Вид Кракова конца XV века – «Хроника» Шеделя.

Краков в конце XV века. Гравюра Г. Зюсса из книги Конрада Цельтиса «Quattuor libri amorum», Нюрнберг, 1502.

Краковский университет, основанный в 1400 году Владиславом Ягеллоном, пользовался в то время большой известностью. Сюда приезжали учиться из Богемии, Германии, Швеции, даже из Италии, своей культурой превосходившей остальные европейские государства.

Преподавание в нем имело средневековый характер: богословие и каноническое право, как главные предметы; «семь свободных искусств»: *trivium* (грамматика, логика, риторика) и *quadrivium* (музыка, арифметика, геометрия, астрономия); древние авторы в переделке схоластиков. Но сказывались уже и новые веяния. В то время европейская образованность переживала кризис: повсюду пробуждался дух свободного исследования. Важную роль при этом играли *гуманисты* – ученые комментаторы и переводчики классических авторов, которых они изучали в подлиннике, а не в арабской или схоластической переделке. Поклоняясь древности, они критически относились к современным порядкам и доктринам. Притом же самое раболепное преклонение перед умом, знанием, гением древности было куда благотворнее средневекового угара. Схоластика и мистицизм напустили такого чаду, что потребовалось около трех столетий, чтобы проветрить Европу. Эту роль и взяли на себя гуманисты. Они расчистили почву для самостоятельной европейской науки и литературы.

Новое направление охватило и Краковский университет. В середине XIV века итальянский ученый и вольнодумец Филипп Буонакорси, раздражив духовенство и возбудив гнев самого папы, бежал в Краков, ко двору Казимира IV. Тут он читал лекции, переводил и комментировал Вергилия, Цицерона и других латинских авторов.

Еще большей известностью пользовался Конрад Цельтес, тоже гуманист, свободный мыслитель и поклонник классической древности, в течение нескольких лет читавший лекции в Краковском университете.

Коперник поступил на факультет свободных искусств и в течение трех семестров (1491—1494) изучал математику, астрономию, астрологию, физику, теорию музыки, поэтику, риторику и классиков – Аристотеля, Сенеку, Цицерона и других. Краковский университет, хотя и считался лучшим по эту сторону Альп, оставался далеко не идеальным. Так, например, Аристотеля читали в латинском переводе; греческого языка не преподавали за неимением специалиста. Зато можно было основательно изучить латинских классиков, толково преподавались математика и астрономия, а при тогдашнем убожестве и то был хлеб! Большинство университетов пребывали в гораздо худшем состоянии, о котором может дать понятие жалоба Конрада Цельтеса, относящаяся к Кёльнскому университету: «Никто здесь не преподаёт латинской грамматики и не объясняет древних авторов; математика совершенно неизвестна, никто не исследует движения звезд». А этими предметами, в сущности, исчерпывалась наука XV века; остальные представляли жалкий суррогат знания, скопище призраков и фикций, осужденных на гибель при столкновении с положительной наукой.

Студенты должны были жить в общежитиях или бурсах и подчиняться строгому уставу, который, впрочем, строго не соблюдался. «Вольный дух», занесенный в Краков Цельтесом и Буонакорси, породил в университете борьбу партий: староверы ополчились на еретиков; схоластики доказывали, что изучение древних авторов поведет к восстановлению язычества, что нельзя служить разом Христу и Юпитеру. В этих распрях приняли участие и студенты, причем венгры стояли за схоластиков; «мазовиты» (поляки) и немцы – за гуманистов. Вражда доходила до рукопашного боя: схоластика и гуманизм сходились на Братской улице и разбивали друг другу носы. Мы не знаем, принимал ли Коперник участие в этих битвах; если принимал, то, без сомнения, на стороне гуманистов, так как был поклонником древних авторов.

Как видит читатель, среда, в которой ему приходилось жить, не отличалась деликатностью нравов; но, во всяком случае, это была живая, одушевленная, полная брожения среда, будившая мысль и благотворно влиявшая на скептический, пытливый ум юноши.

Уже здесь он пристрастился к астрономии, которую изучал под руководством профессора Брудзевского. Альберт Брудзевский считался крупнейшей звездой Краковского университета. Его сочинение «*Полезнейшие комментарии на теорию планет*» употреблялось в качестве руководства даже в итальянских школах. «Все, что было создано остроумием Евклида и Птолемея, сумел он претворить в свою духовную собственность, – говорит о нем один из совре-

менников, – все, что глубоко сокрыто от взора непосвященных, становилось в его изложении ясным, как солнце». Самостоятельных открытий за ним не числится; в своем сочинении он является безусловным сторонником Птолемея, так что вряд ли мог внушить Копернику сомнение в правильности тогдашних астрономических воззрений. Надо, однако, заметить и то, что восставать против господствовавших мнений было тогда не совсем безопасно, и профессора в частных беседах с учениками высказывались гораздо откровеннее, чем в печатных сочинениях. Во всяком случае, Брудzewский был приятелем Цельтеса, сторонником гуманистов, знатоком и поклонником латинских авторов – стало быть, не чуждался критического направления эпохи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.